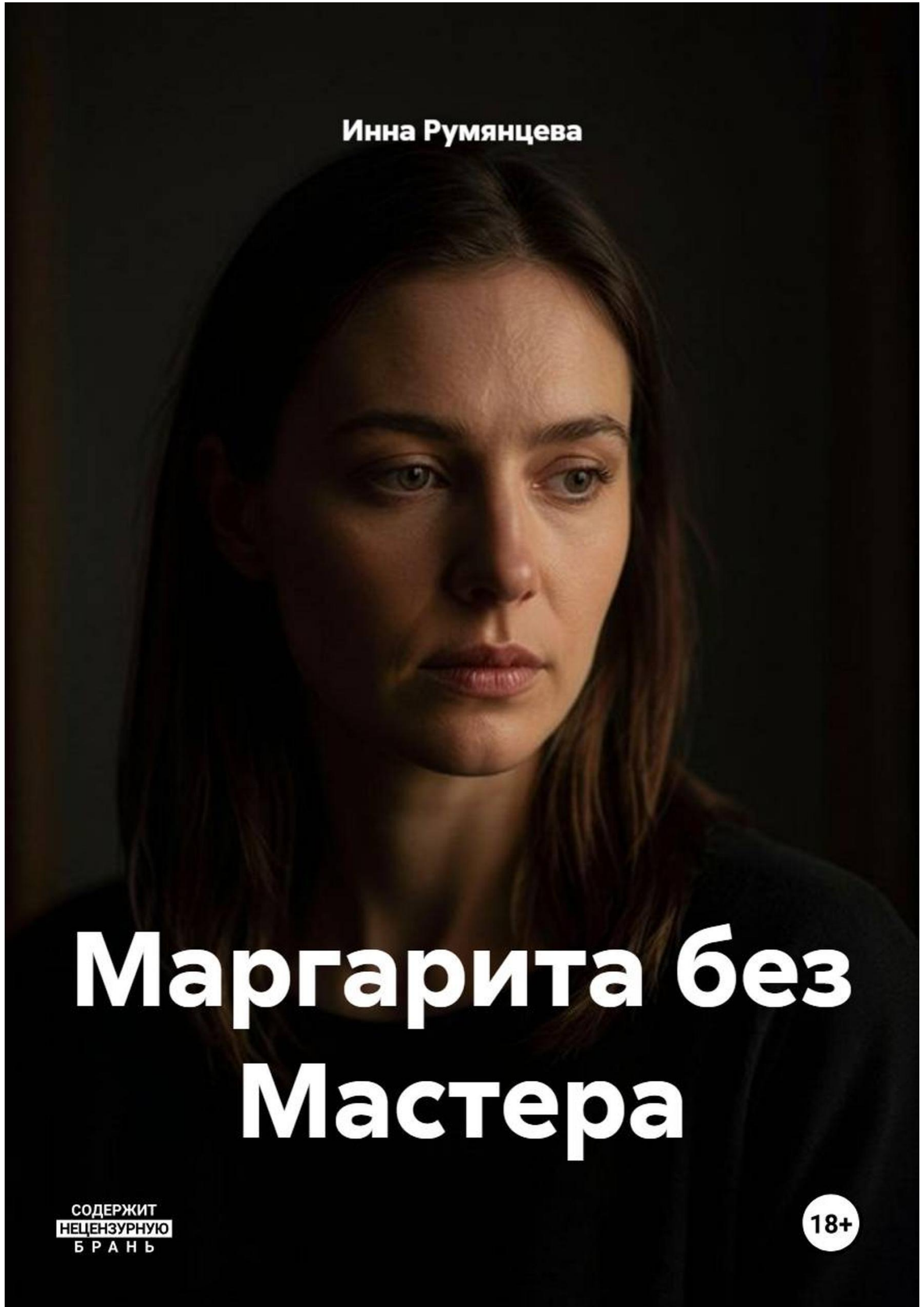

A close-up portrait of actress Inna Rumyantseva. She has long, dark, wavy hair and is looking directly at the camera with a serious expression. The lighting is dramatic, with one side of her face in shadow. The background is dark and out of focus.

Инна Румянцева

Маргарита без Мастера

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Инна Румянцева

Маргарита без Мастера

«Автор»

2026

Румянцева И.

Маргарита без Мастера / И. Румянцева — «Автор», 2026

Она не помнит, когда впервые почувствовала, что внутри стало тихо. Не спокойно — а именно тихо. Как будто кто-то выключил звук. Оставил картинку, но убрал всё, что делало её живой. Это была депрессия. А потом появился он. Тот самый, которого ей нагадали гадалки. Медик. Спасатель. Который стал её светом. И её тьмой. Он тоже был сломан. Внутри него жил «Внутренний сосед» — защитник, который просыпался, когда настоящий он не мог выдержать. Она любила их обоих. И они любили её. Но от этого было только хуже. Это история о «до» и «после». Один переломный момент жизни. О любви, которая была настоящей. О боли, которая не уходит. О попытках суицида, об остановке сердца, о раке. И о том, как она — всё равно — выжила. Это не просто книга. Это крик души. Честная и пронзительная история о жизни с депрессией, о любви к человеку с ментальными травмами и о силе, которая помогает дышать даже тогда, когда кажется, что всё кончено. Для тех, кто проходит через ад, и для тех, кто хочет понять.

© Румянцева И., 2026

© Автор, 2026

Инна Румянцева

Маргарита без Мастера

«Маргарита без мастера»

Автобиографический роман

Посвящение

Тебе. Тому, кто был моим светом и моей тьмой. Тому, кто стал моей жизнью — а потом забрал её с собой. Тому, кого я люблю до сих пор — вопреки всему. Весной. С любовью. Я однолюб. И если бы любовь была выше страхов, триггеров, болезней и депрессий — мы были бы счастливы дальше. Но ты выбрал страх. А я — осталась жить. Просто будь. Где бы ты ни был. И помни обо мне с теплом.

Эпиграф

«Есть люди, которые приходят в нашу жизнь, чтобы стать её частью. И есть те, кто приходит, чтобы стать самой жизнью. А потом уходит — и забирает её с собой. Но однажды ты понимаешь: жизнь не заканчивается. Она просто становится другой».

Оглавление

Пролог. «Есть люди, которые приходят, чтобы стать жизнью...»

Часть I. До

- Глава 1. Комната без окон
- Глава 2. Гадалки
- Глава 3. Четырнадцатое октября
- Глава 4. Дорога

Часть II. Он

- Глава 5. Ростов
- Глава 6. Внутренний сосед

Часть III. После

- Глава 7. Стена
- Глава 8. Дно
- Глава 9. Города

· Глава 10. Слова

Часть IV. Она

· Глава 11. Другие

· Глава 12. Похрен

· Глава 13. Второй шанс

Часть V. Жизнь

· Глава 14. Дыхание

· Глава 15. Смысл

· Глава 16. Другой

· Глава 17. Прошное

· Глава 18. Письмо

· Глава 19. Ответ

· Глава 20. Прощай навсегда

· Глава 21. Точка

· Глава 22. Всё, что происходит

Эпилог. «Есть люди, которые приходят, чтобы стать жизнью...»

Послесловие. «Если бы можно было иначе...»

Пролог

Она не помнит, когда впервые почувствовала, что внутри стало тихо.

Не спокойно — а именно тихо. Как будто кто-то выключил звук. Оставил картинку, но убрал всё, что делало её живой.

Это была депрессия.

Она не знала тогда, что это называется так. Думала — характер. Думала — усталость. Думала — так и должно быть.

Она просто сидела в своей комнате. Без окон. Без дверей. И ждала.

А потом появился он.

Тот самый.

Которого ей гадалки нагадывали. Который должен был прийти. Который стал её светом. И её тьмой.

Это — история о «до» и «после». Один переломный момент её жизни.

Это — история о любви. О настоящей. О той, которая не проходит.

Это — история о ней. О той, которая любила. О той, которая потеряла. О той, которая выжила.

Но это ещё и история о нём. О том, кто был для неё не просто мужчиной. А двумя. О том, кто был её другом и её любовником. О том, кто любил её — оба. И о том, как от этого было только хуже.

Часть I. До

Глава 1. Комната без окон

«Депрессия — это не грусть. Это когда ты не чувствуешь ничего. Даже боли. Даже страха. Даже желания. Только пустоту».

В тот день она не смогла встать.

Будильник прозвенел в шесть. Она лежала. Смотрела в потолок. Руки были тяжёлые. Ноги — как чужие. Тело не слушалось.

«Встань, — сказала она себе. — Ну же. Просто встань».

Тело не двигалось.

Она лежала час. Два. Три. Солнце поднялось. За окном зашумели люди. Кто-то смеялся. Кто-то ругался. Кто-то шёл на работу.

А она лежала.

Это было не в первый раз. И не во второй. Это было уже год. Целый год.

Сначала — ковид. Школа. Уроки. Дети. Тетради. Бесконечные «надо». Потом — перелом бедра у папы. Он был глухонемым. Не мог сказать, что ему больно. Не мог попросить. Просто лежал — большой, сильный, беспомощный — и смотрел на неё глазами, в которых было всё, что он не мог произнести.

И она делала.

Утро начиналось затемно. Готовила. Убирала. Помогала отцу. Меняла бельё. Кормила. Потом — работа. Уроки. Дети. Тетради. Потом — снова домой. Снова отец. Снова дела. Потом — что-то на себя. Хотя какое там «на себя» — если не оставалось ни минуты. Потом — подготовка к следующему дню. Планы. Проверка тетрадей. Мысли о том, что завтра снова вставать затемно.

И так — год.

Целый год.

Она не заметила, как перестала чувствовать. Просто однажды утром поняла, что больше не может.

Не может встать. Не может идти. Не может делать вид, что всё нормально. Не может быть сильной. Не может — просто не может.

И уволилась.

Тогда ей казалось, что это — выход. Что она отдохнёт. Что выпитися. Что вернётся к себе.

Но стало только хуже.

Потому что, когда ушла работа, ушли и люди. Те, кого она считала друзьями. Близкими. Те, кому она помогала. Те, кто говорил: «Ты всегда можешь на меня рассчитывать».

Они не поддержали.

— Надо было терпеть, — сказала одни, другие.

А третьи просто исчезли. Молча. Без объяснений. Как будто ИХ и не было.

И она осталась одна.

Тогда и появилась та самая комната. Без окон. Без дверей. Внутри неё.

Она не знала, как туда попала. Просто однажды поняла, что сидит в темноте. И что выхода нет. Стены — глухие. Пол — холодный. Потолок — низкий. И тишина. Такая, что слышно, как бьётся сердце. И как оно постепенно замедляется.

Она пыталась найти дверь. На ощупь. В темноте. Но её не было.

Она кричала. Но никто не слышал.

Она плакала. Но слёзы высыхали быстрее, чем успевали упасть.

Она сидела на полу, обхватив колени, и ждала. Сама не знала — чего. Может, что кто-то придёт. Может, что стена рухнет. Может, что она просто перестанет быть.

Но никто не приходил.

И тогда она начала привыкать. К темноте. К тишине. К холоду. К тому, что она — одна.

А потом появились они.

Друг и подруга.

Они познакомились в садике и школе. Просто однажды они уже были. Всегда.

Друг — высокий, с тёмными глазами, с руками, которые всё время что-то делали. Подруга — светлая, тёплая, с голосом, от которого становилось легче.

Они были как одно целое. Странное. Шумное. Настоящее.

— Ты чего такая смурная? — спросила подруга в первый раз, когда они встретились.

— Да так, — ответила она. — Устала.

— Все устали, — сказал друг. — Пойдём, чай попьём.

И они пошли. И пили чай. И смеялись. И она впервые за долгое время почувствовала, что не одна.

С другом они дружили шесть лет. Никогда не переходили черту отношений. Ни разу. Но любили друг друга.

В детстве её чуть не изнасиловали. Она не любила об этом вспоминать. Не рассказывала никому. Даже им. Просто знала, что есть вещи, которые она не может. Не хочет. Не позволит. Тело не подпускало никого. И с болью внутри она причиняла её другим. А есть те, кто, получив её, также по жизни хочет получать её и дальше.

С тех пор секс для неё — не про радость. Про страх. Про триггеры. Про что-то, что живёт глубже слов.

Друг это знал. И не давил. Никогда. Он просто был рядом. Держал за руку. Смотрел. Молчал. И этого было достаточно.

А три года назад у него умер отец.

Он не говорил об этом. Просто стал другим. Тише. Темнее. Страннее.

Иногда она ловила его взгляд — и не узнавала. Как будто в нём что-то переключилось. Как будто там был кто-то другой.

— Ты в порядке? — спросила она однажды.

— Да, — ответил он. — Всё нормально.

Но это было не нормально.

Однажды он пришёл к ней. Не тот, кого она знала. А другой. Тот, кто смотрел на неё не как на друга. А как на что-то. Как на тело. Как на добычу.

Он чуть не изнасиловал её.

Она успела. Она вырвалась. Она закричала. И он остановился. Как будто очнулся.

А потом плакал. На коленях. Умолял простить.

— Я не помню, — говорил он. — Это не я. Я не знаю, как с этим жить.

И чуть не зарезался. По-настоящему. Она успела вызвать скорую. Кровь. Больница. Всё.

Она могла бы уйти. Могла бы сказать: «Иди нахрен». Могла бы — и была бы права.

Но не сказала.

Потому что видела в нём не монстра. А сломанного мальчика. Которого сломали обстоятельства.

Она осталась.

Она была психологом в его жизни. И в жизни подруги тоже. Она выслушивала. Она помогала. Она держала их обоих, когда они падали.

Она видела его отношения со всеми. Видела наркоманство. Видела тьму. И всё равно оставалась.

Потому что верила. Что однажды он справится. Что однажды всё изменится. Что однажды он вернётся — тот, кого она знала.

Прошлым летом ей показалось, что это случилось.

Он пошёл в терапию. По-настоящему. Не просто глушился таблетками. А работал с собой. Говорил. Разбирался. Признавал.

Она поверила.

Впервые за долгое время позволила себе думать: «А может быть?»

Может быть — что-то большее. Может быть — они. Может быть — та самая жизнь, о которой она боялась даже мечтать.

Но судьба расставила всё иначе.

Осенью умерла подруга.

В ДТП. Просто. Нелепо. Страшно.

Она не попрощалась. Не оставила записки. Не сказала последних слов. Просто — ушла.

Для всех — просто новость. Для неё — обвал.

Она не могла дышать. Не могла говорить. Не могла плакать. Просто сидела. И смотрела в одну точку. И думала: «Как? Почему? За что?»

А в феврале умер друг.

Переходил дорогу. Тупо. Быстро. Нелепо.

Как будто жизнь решила: «Хватит с тебя. Забираю обоих».

И она осталась одна.

Совсем одна.

Она хотела покончить с собой.

По-настоящему. Без истерики. Без демонстрации. Просто тихо. Просто уйти. Потому что без них не было смысла.

Но спасибо некоторым людям.

Подруге. Братьям. Папе. Маме.

Они помогли. Не словами. Присутствием.

— Ты не одна, — написал папа на бумаге. Он не мог говорить. Но он написал это. И протянул ей.

И она осталась.

Не потому что хотела. А потому что не могла сделать им больно.

И с косарей в кормане — она уехала в работу.

На вахту. В другой город, регион. К чужим людям. К чужим жизням.

Чтобы не думать. Чтобы просто выжить.

Пришло лето.

И она решила: друзья хотели бы, чтобы она дала шанс себе.

На отношения. На любовь. На что-то, кроме боли.

Это был интересный опыт. Интересные люди. Она знакомилась. Общалась. Пробовала. Не потому что искала. А потому что хотела вспомнить, каково это — быть живой.

Но никто не цеплял.

Она уже начала думать, что это всё не для неё. Что она — одна из тех, кто не умеет больше. Кто закрылся навсегда.

А потом появился ОН.

Глава 2. Гадалки

«Судьба — это не то, что случается с нами. Это то, что мы выбираем. Даже когда думаем, что не выбираем».

— Ты встретишь его между двадцатью семью и двадцатью восемью, — сказала женщина. Она была старая. С морщинистыми руками и глазами, которые смотрели сквозь.

— Кого? — спросила она.

— Того самого. Он будет медик. Он будет твой. А ты — его. Любовь будет сильная. Настолько, что возможно вы её не удержите. И она вас сломает.

Она не верила.

Не потому что не хотела. А потому что боялась. Боялась, что это правда. Боялась, что это не правда.

Она привыкла не ждать. Не надеяться. Не мечтать. Потому что мечты всегда разбивались. А надежды — всегда предавали.

Но слова гадалки оседали где-то глубоко. Как слабый огонёк. Как что-то, что не давало окончательно сдаться.

«Медик», — думала она иногда. И улыбалась. И тут же забывала.

А потом было лето.

То самое лето. После смерти друзей. После попытки суицида. После вахты. После всего.

Она решила, что даст себе шанс. Не потому что верила. А потому что друзья — если бы они были живы — хотели бы этого.

Она начала.

Знакомства. Переписки. Встречи. Несерьёзно. Легко. Как игра.

Были разные. Интересные. Скучные. Смешные. Странные.

Но никто не цеплял НАСТОЛЬКО.

Она уже начала думать, что это всё не для неё.

А потом появился он.

Он написал ей в соцсетях.

Она не помнит, с чего началось. Просто однажды — сообщение.

Она не ответила сразу. Посмотрела профиль. Фото с работы. Уставший. Но с улыбкой.

Она ответила: «Спасибо».

И началось.

Они говорили. Долго. Настояще. Такого у неё не было годами.

Он рассказывал о себе. О том, что пережил. О том, как формировался. О том, каким стал.

Она рассказывала ему о себе. О друзьях, которые умерли. О комнате без окон. О том, что устала. О том, что боится.

И он сказал: «Мы справимся».

Она поверила.

Потому что хотела верить. Потому что устала быть одна. Потому что впервые за долгое время почувствовала, что кто-то видит её — настоящую.

Он был медик. Тот, кто спасает других. Тот, кто не боится крови, боли, смерти.

И она подумала: «Может быть. Может быть, это он. Может быть, это тот самый».

А потом его триггернуло.

Он не объяснил. Просто отошёл. Резко. Холодно.

Она написала: «Что случилось?»

Он ответил: «Это не ты. Это я. У меня багаж. Прошлое. Я не могу».

Она знала, что это значит. Она сама так делала. Она сама закрывалась, когда становилось слишком.

Но от этого не было легче.

Потому что она доверилась. Потому что она открылась. Потому что она — впервые за долгое время — позволила себе верить.

А он ушёл.

И она осталась.

Снова одна. Снова в той же комнате. Снова в темноте.

Она не писала ему. Не звонила. Не просила.

Она просто жила. Как умела. По шагам. По дням.

Другие люди. Походы в горы. Работа. Что-то, что не давало утонуть.

Она училась забывать. Училась не ждать. Училась не надеяться.

И почти получилось.

Почти.

А потом он написал опять. Точнее его сосед внутренний.

Просто: «Привет».

И она не послала его. Не сказала «нет». Не закрыла дверь.

Она сразу приняла.

Потому что очень ждала. Потому что полюбила. Потому что, сколько бы ни убеждала себя, что всё кончено, — внутри всё ещё теплился тот самый огонёк.

Они встретились. На берегу. Она сказала ему — честно, прямо, без масок:

— Со мной сложно. Много зажимов. Блоков. Страхов. Триггеров. Я не умею легко. Я не умею просто. Я не умею доверять. Но если ты хочешь — я попробую. Если ты готов — я пойду.

Он посмотрел на неё. Долго. Взял за руку сквозь экран.

— Мы со всем справимся, — сказал он.

И она поверила.

Потому что хотела верить. Потому что устала бояться. Потому что впервые за долгое время почувствовала, что не одна.

Она не знала тогда, что это — начало конца.

Она просто любила.

И этого было достаточно.

Глава 3. Четырнадцатое октября

«Есть дни, которые мы запоминаем навсегда. Не потому что они особенные. А потому что в них мы были счастливы».

Она запомнила эту дату навсегда.

Четырнадцатое — пятнадцатое октября. Ростов.

Он приехал к ней.

Она ждала его на вокзале. Волновалась так, что руки трясло.

И вот — случилось.

Он вышел из поезда. Уставший. С сумкой. С тем самым взглядом, который она знала по сообщениям.

Они обнялись. Крепко. Долго. Так, как будто не виделись годы. Хотя виделись впервые.

А потом был день. Целый день. Их день.

Они гуляли по Ростову. Держались за руки. Смеялись. Молчали. Смотрели друг на друга.

Он увидел её триггер ночью в квартире. Заметил, как она напряглась, когда он слишком близко был с ней.

— Всё хорошо, — сказал он. — Я никуда не спешу.

Она посмотрела на него — и впервые за долгое время почувствовала, что её понимают. По-настоящему. Без слов.

Это было лучшее. Они целовались до утра.

Она помнит, как сажала его на электричку. Как целовались на перроне. Как он смотрел на неё из вагона. Как махал рукой.

И как потом ехала домой — одна — но с чувством, что теперь всё будет иначе.

Плюс он был болезненный. Часто простужался. Часто уставал.

Но она и это приняла.

Она хотела спасти. Исцелить любовью. Дать нежность, которой так не было у него в жизни.

И родные его сказали:

— Вы как семья живёте. Впервые так. Он счастлив.

Она слышала это — и расцветала.

Было разное.

Были ссоры. Были недопонимания. Были ночи, когда он закрывался, а она не знала, как достучаться.

Но были и другие моменты. Когда он смотрел на неё так, как никто не смотрел. Когда говорил слова, которых она не слышала ни от кого.

Она думала: «Вот оно. То самое».

Она не знала, что счастье — это не финал. А только начало.

Она хотела показать ему мир.

И внутренний, и внешний. Где можно быть собой — настоящим. Без масок. Без панциря. Без тьмы.

Она хотела взять его за руку и вывести из той комнаты, в которой он жил. Как когда-то он вывел её.

Но он испугался.

Не мира. Не её. А того, что придётся чувствовать. Что придётся открыться. Что придётся довериться.

Потому что его детские травмы шлейфом шли по жизни. Они не ушли. Они просто притаились. И когда он окунулся с ней — в тепло, в близость, в любовь, — они вылезли наружу.

С ней было и хорошо, и плохо.

Хорошо — потому что она любила его. Потому что она принимала его. Потому что она была рядом.

Плохо — потому что близость для него была равна боли. Потому что доверие для него было равно опасности. Потому что любовь для него была равна страху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.